

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как придворный летописец короля Светлячка узнавал, когда придёт весна

10

ГЛАВА ВТОРАЯ

В поход отправляется Хвощ

42

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Король Светлячок покидает Хрустальный Грот

72

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Хвощ встречается с сироткой Марысей

80

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хорошие времена

106

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Концерт маэстро Сарабанды

120

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Василёк и его ученик

132

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

У царицы Татр

144

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ночь на Ивана Купалу

158

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Суд над Ошмётком

170

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Как Вродебарин милостыню подавал

188

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Возвращение под землю

198

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как придворный летописец короля Светлячка узнавал, когда придёт весна

I

Зима была такая долгая и студёная, что его величество Светлячок, король гномов, примёрз к своему трону. С его седой бороды, посеребрённой инеем, свисали сосульки, обледенелые брови сердито и грозно топорщились. Замёрзшие капли росы жемчужинами сверкали на короне, а пар от дыхания изморозью оседал на ледяных стенках Грота. Королевские подданные, проворные гномики, надвинули на самый нос свои длинные колпачки и плотно закутались в красные плащи. А некоторые сделали себе шубы и кафтаны из бурого и зелёного мха, собранного в лесу ещё осенью, из трута, шишек, белчьего пуха и пёрышек, что обрели птицы, улетая за синее море.

Но королю не годится одеваться как попало. Он и зимой, и летом носил пурпурную мантию. С незапамятных времён служила она королям гномов и уже порядком поистёрлась и прохудилась — ветер продувал её насквозь. Но, будь эта мантия даже новой, она ничуть бы не грела — сотканная из паутинок, которые весной протягивают по пашне красные паучки, она была не толще макового лепестка.

Вот и дрожал королишка в своей мантии, зуб на зуб не попадал, и всё дышал на руки: они до того окоченели, что еле удерживали скипетр. В ледяном дворце огня ведь не разведёшь. А не то и пол, и стены потрескаются. Оставалось согреться сиянием золота и серебра, лучистым пламенем бриллиантов, крупных, с яйцо жаворонка, переливами солнца в хрустальных стенах тронного зала да сверканием длинных мечей, которыми размахивали храбрые гномы, чтобы удаль свою показать, а заодно и разогреться. Но тепла от всего этого было мало, и бедный старый король только лязгал немногими уцелевшими зубами, с нетерпением поджидая весны.

— Сморчок, мой верный слуга! — позвал он одного из придворных. — Выгляни-ка наружу, не идёт ли весна?

подобрал их, положил в драгоценный ларчик и отнёс в сокровищницу.

Целый день карабкался наш учёный, прежде чем выбрался на поверхность земли. Дорога, вся в узловатых корневищах вековых дубов, круто поднималась в гору. Гравий, камни, обломки скал с глухим шумом осыпались из-под ног в пропасть. Замёрзшие водопады блестили, как ледяные зеркала, и учёный путешественник скользил по льду, с трудом подвигаясь вперёд. В довершение всех бед он не взял с собой никакой еды. Силёнок хватило только книги тащить, да большую чернильницу, да большое перо. И совсем бы выбился из сил Чудило-Мудрило, не попадись ему по дороге домик одного хомяка, запасливого и богатого.

Кладовая у хомяка ломилась от зерна и орехов. Он накормил голодного странника и даже позволил ему отдохнуть на сене, которым был устлан пол, но с условием, что тот никому в деревне не проболтается про его жильё.

— Там такие сорванцы! Пронюхают, где моя нора, — прощай, спокойная жизнь!

Прибодрясь и подкрепившись, Чудило-Мудрило поблагодарил гостеприимного хомяка и пустился в путь. Шагал он теперь легко и весело, поглядывая из-под тёмного колпака на крестьянские поля, на луга и рощи. Зелень изо всех сил тянулась вверх; в низинах пробивалась молодая травка, над разлившимся ручьём краснели ветви ивняка, а высоко-высоко в туманном небе курлыкали журавли.

лись. Но трудились мы не задаром. Не хозяин, так хозяйка никогда не забудет оставить для нас хлебных да творожных крошек на лавке в горнице, а в кухне — медку или хоть молочка на доньшке. Голоду не знали. Пойдёт, бывало, хозяйка огород полоть или в поле жать, в дверях обернётся, возьмёт горсть проса из кадки, бросит на пол и скажет:

*Гномики, иномы,
За детьми, за домом
Приглядите, присмотрите!
А вот просо вам... Берите!*

И уйдёт со спокойным сердцем. А мы — прыг, прыг из запечка, из-под лавки, из-за расписного сундука, и за работу! Сказки сказываем ребятишкам, лошадок им мастерим, девочкам косички заплетём, кукол тряпочных понаделаем. Протрём оконца, солнышко в хату впустим — по всем уголкам свет разнесём: так всё и засверкает! Работы, правда, много, зато благодарности от людей ещё больше. Ни один праздник без нас не обходился.

*Гномики, иномы,
На пир вас зовём мы!
На остатки пирога,
На оленьи рога,
На жаркое из печи
Да на белы калачи! —*

приглашали нас хозяева.

За стол мы, конечно, не лезли — наш брат, хоть и мал ростом, вести себя умеет. Зато как заиграем на гусельках, сперва один, за ним другой, третий, десятый — целый оркестр соберётся под окном или под половицей, — народ слушает не наслушается: так весело, легко станет на душе от нашей музыки! Эх, где те времена? Ушли безвозвратно.

IV

Чудило-Мудрило замолчал, посасывая свою трубочку, а ребятишки сидели, притихнув и не сводя с него глаз. Немного погодя он начал снова:

— Не знаю уж, долго ли так продолжалось: в наших книгах об этом не сказано. Только стали времена к худшему меняться. Род Лехов, что справед-

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Хвощ встречается с сироткой Марысей

I

То ли голубь иде воркует —
Стонет пущею лесною,
То ль соловушка тоскует —
Всё прощается с весною?

То ли лес шумит — вздыхает,
Чёрный лес шумит ночами,
То ли ветер иде рыдает,
Воет, плачет над полями?

Не соловушка горюет,
Ох, не лес, не вольный ветер —
Мать Марысю оставляет
Сиротой на белом свете!

Кто накормит? Кто напоит?
Кто укутает в морозы?
Кто присмотрит за чужою,
Приголубит, вытрет слёзы?

В золотой её качала
В тростниковой колыбели,
Ей теперь земля да лавка —
Две пуховые постели.

Убаюкивала песней,
Утром песенкой разбудит...
— Эй, вставай, — Марысе скажут, —
Будет спать! — чужие люди.

Как не пить:
Смерть идёт
Мошлу рыть,
Смерть идёт
В твоё жильё.
Пей! Что выпил —
То твоё.

А когда Франек шёл по деревенской улице на свадьбу, его скрипка и вторивший ей бубен заливались смехом и явственно выговаривали:

Чтоб плясать нам веселее,
Серебра не пожалею,
Мне в монетах мало толку —
Пела б скрипка без умолку!
Гей-га!
Эх, крестьянская работа,
И придумал тебя кто-то!
Знать, придумал дедка старый —
Не нашёл на танец пары!
Гей-га!

При звуках скрипки все — и стар, и млад — бросали работу и бежали послушать да поглазеть хоть издали на свадьбу, коли уж сами не могли пуститься в пляс. Вся работа останавливалась и дожидалась работников день, два, три, а время бежало да бежало, унося из деревни хлеб.

А заиграет пастушонок Ясек на свирели — и станет на душе тоскливо, словно плач послышится и горькие жалобы:

Ой, нужда, в доме нужда,
Хлеб не вырос — вот беда!
Вольный ветер в поле веял —
Лебеду в нём только сеял!

